

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Настина Екатерина Александровна

**Роль моральной самооценки во взаимосвязи просоциального поведения и
субъективного благополучия**

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Научный руководитель:

Доктор социологических наук, профессор

Девятко Инна Феликсовна

Москва - 2023

ВВЕДЕНИЕ

Наблюдаемый в последние годы рост интереса к эмпирическим социальным исследованиям в области морали [Hitlin, Vaisey, 2013] обуславливает необходимость тщательной концептуализации моральных конструкторов и разработки надёжных инструментов для их измерения. Реакцией на эту потребность стало создание оригинальных теоретически обоснованных методик изучения особенностей восприятия, эмоций и принятия решений в контексте морали (напр. опросник моральных оснований [Graham et al., 2012] или шкала моральной идентичности [Aquino, Reed, 2002]). Однако до последнего времени малоисследованным оставался механизм оценки человеком самого себя как морального субъекта, а также причины и следствия внутрииндивидуальной и межиндивидуальной вариативности такой оценки.

Между тем моральная самооценка обладает большим потенциалом для исследования причин и следствий социального поведения индивидов, формирования установок и качества жизни. К примеру, люди, которые, согласно результатам опроса, чаще поступают нравственно (напр., жертвуют на благотворительность или не списывают на контрольной), выше оценивают себя по таким традиционно моральным качествам, как честность, забота о других, доброта и др. [Stets, Carter, 2012]. Наличие прямой связи между нравственными поступками и моральной самооценкой подтверждаются и лонгитюдными исследованиями, в которых участники описывали свои действия и эмоции несколько раз в день в течение недели [Prentice, Jayawickreme, Fleeson, 2020]. В свою очередь, некоторые исследования показывают, что более высокая оценка своих моральных качеств положительно связана с удовлетворенностью жизнью и позитивными эмоциями [Prentice et al., 2019; Jordan, Leliveld, Tenbrunsel, 2015].

В свете этих результатов, логично предположить, что моральная самооценка может быть одним из ключевых связующих звеньев в широко исследуемой взаимосвязи между просоциальным поведением, как формой нравственного поведения, направленного на благо других, и субъективным благополучием [Aknin et al., 2019]. Однако, насколько нам известно, на сегодняшний день имеется лишь одна публикация, в которой представлено эмпирическое исследование опосредующего потенциала моральной самооценки в отношении лишь одного компонента субъективного благополучия – положительных эмоций [Miles, Upenieks, 2021]. Кроме того, недостаточно внимания уделяется потенциальному дифференцирующему влиянию социального контекста, определяющего нормативно-ролевые ожидания в конкретной ситуации взаимодействия. Тем не менее, понимание эффектов просоциального поведения и факторов субъективного благополучия является важной задачей социальных наук с точки зрения их прикладного потенциала. Помимо этого, анализ предполагаемого положительного влияния моральной самооценки как следствия морального поведения на субъективное благополучие позволит получить более полное представление о механизмах неаверсивного (позитивного) социального контроля, связывающего нормативные ожидания и внутренние механизмы вознаграждения. Эти соображения обуславливают актуальность данного диссертационного исследования.

Итак, основная *гипотеза* диссертации заключается в том, что моральная самооценка опосредует связь между поведением, приносящим пользу другим и субъективным благополучием. Для её проверки необходим надёжный инструментарий, позволяющий комплексно и точно измерить моральную самооценку. Однако несмотря на растущий интерес к моральной самооценке в различных теориях, объясняющих социальную

реальность [Bandura, 1999; Stets, Carter, 2012], эта задача остается не до конца решенной. Основной сложностью в измерении моральной самооценки являются смещения, связанные с «самоприукрашиванием» (self-enhancement), т.е. нереалистично высокой оценкой своих качеств, в особенности моральных [Tappin, McKay, 2017]. В целом, люди стремятся поддерживать положительные представления о собственной порядочности за счет осуществления моральных поступков, но, если по какой-то причине это не удаётся, активизируется ряд защитных механизмов [Hitlin, 2008]. Такие когнитивные механизмы представляют собой самостоятельный предмет изучения; однако, необходимо учитывать, что часть смещений в самооценке также является результатом искажений, связанных с особенностями инструментария, и их необходимо нивелировать

Кроме того, социологический подход к моральной самооценке предполагает опору на принципы методологического релятивизма [Hitlin, Vaisey, 2013], заключающегося в отказе от априорно заданных претендующих на универсальность критериев оценки. Так, адекватный инструмент должен учитывать культурный контекст, восприятие актором точки зрения Другого [Mead, 1934; James, 1950; Cooley, 1902] и механизмы социального сравнения [Tesser, Millar, Moore, 1988], а также быть чувствительным к социальным процессам, формирующим моральную самооценку.

Цель настоящей диссертации заключается в выявлении роли моральной самооценки во взаимосвязи просоциального поведения и субъективного благополучия с учетом близости взаимоотношений между донором и благополучателем. В рамках ее достижения сформулированы и выполнены следующие *задачи*:

- разработать теоретико-методологический подход к изучению моральной самооценки как многоаспектного конструкта;

- на основании критического аналитического обзора существующих эмпирических исследований, разработать интегративную теоретическую модель, включающую в себя детерминанты и эффекты моральной самооценки;
- выдвинуть теоретическое обоснование роли моральной самооценки во взаимосвязи просоциального поведения и субъективного благополучия с учетом близости взаимоотношений между донором и благополучателем;
- разработать культурно-специфические инструменты для измерения моральной самооценки, оценить и сравнить их на основе показателей надежности и валидности;
- эмпирически выявить роль моральной самооценки во взаимосвязи просоциального поведения и субъективного благополучия с учетом близости взаимоотношений между донором и благополучателем.

Данное диссертационное исследование опирается на ряд теоретических традиций. Так, моральная самооценка определяется с опорой на теорию самонесоответствия [Higgins, 1987] как результат сопоставления восприятия себя в настоящем, интегрирующего воспринимаемые или воображаемые представления обобщенного другого, и интериоризированного морального стандарта (личного или социального). Концептуализация благополучия, в свою очередь, осуществляется с опорой на многомерную модель субъективного благополучия, включающую положительные и отрицательные эмоции, а также когнитивную оценку своей жизни в целом [Diener, Nara Scollon, Lucas, 2009]. При этом внимание также уделяется ключевому для данной диссертации различию между краткосрочными ситуативными эмоциональными состояниями и устойчивыми формами счастья как обладающими разными механизмами формирования. Гипотезы об опосредующей роли моральной самооценки формируются, в

частности, с отсылкой к социологической модели морального Я [Stets, Carter, 2012], описанной в следующем разделе. С концептуальной точки зрения, важно различать моральную самооценку и моральную идентичность [Aquino, Reed, 2002]: если под последней обычно понимается место моральных качеств в иерархии представлений человека о себе, то моральная самооценка – это оценка себя по этим качествам, обладающая определенной валентностью (положительной или отрицательной).

С точки зрения методологии, представленная в данной диссертации шкала моральных конструктов опирается на технику репертуарных решеток [Kelly, 1955], разработанную в рамках теории системы личностных конструктов, т. е. основанных на индивидуальном опыте и постоянно валидируемых в процессе накопления жизненного опыта понятийных средств социального познания, позволяющих классифицировать, оценивать и предсказывать события. Методика предполагает применение процедуры эксплицитных сравнений с целью извлечения индивидуальных конструктов с использованием релевантных для конкретной области «фигур», то есть объектов оценивания – личностей, ситуаций и т. п. [Bell, Bannister, Fransella, 2004]. Итоговые значения моральной самооценки основаны на косвенном измерении и предполагают осуществляемый исследователем расчет расхождений между представлениями индивида о своих моральных качествах и некоторым самостоятельно оцениваемым стандартом, который используется вместо прямой субъективной оценки, что позволяет уменьшить ошибку измерения, связанную с тенденцией к самоприукрашиванию. Благодаря множеству объектов оценивания разработанный инструмент позволяет принимать во внимание сразу несколько стандартов, которые человек использует при оценке себя в моральном плане. Предыдущие исследования отечественных ученых в традиции психосемантики, показали,

что данная методика хорошо подходит для изучения процесса оценивания людьми себя и других по ряду личностных качеств [Петренко, Шмелев, 1982].

Для проверки гипотез об опосредовании взаимосвязи между просоциальным поведением и субъективным благополучием используется параллельный медиационный анализ. Модель параллельной медиации предполагает, что независимая переменная может влиять на зависимую как прямо, так и косвенно через две или более опосредующие переменные, при условии, что последние не связаны каузально. Она позволяет не только оценить значимость и направление связи, при прочих равных, но и исследовать потенциальную разнонаправленность медиаторов, приводящую к незначимому общему эффекту. Для изучения роли социального контекста в этом механизме связи просоциальное поведение операционализируется как помощь реципиентам с разной степенью близости взаимоотношений с донором. Кроме того, проверяется линейность взаимосвязи между моральной самооценкой и субъективным благополучием [Hitlin, 2008].

Положения, выносимые на защиту:

1. Устойчивая и ситуативная моральные самооценки – два аналитически и эмпирически различных феномена. В то время как оба основаны на механизме сопоставления восприятия себя в действительности и внутреннего стандарта, устойчивая самооценка относительно постоянна во времени и мало подвержена влиянию однократных нравственных или безнравственных поступков. Ситуативная самооценка, в свою очередь, предполагает оперативную оценку своих моральных качеств в рамках контекста конкретного события и, следовательно, более динамична. Два аспекта моральной самооценки имеют разные механизмы формирования и следствия.

2. Применение методики измерения устойчивой моральной самооценки, основанной на методологии репертуарных решеток, дает достоверные и надежные результаты, менее чувствительные к смещениям по сравнению с прямой оценкой, а также повышает их экологическую валидность.
3. Шкала для измерения устойчивой моральной самооценки характеризуется более высокой конвергентной и дискриминантной валидностью при сравнении Я-реального с социальными ожиданиями по сравнению с расхождением Я-реального и Я-идеального. Эти результаты показывают приоритет общественного нормативного стандарта над личным при вынесении специфически моральных суждений о себе.
4. Устойчивая моральная самооценка опосредует отношение между удовлетворенностью жизнью и частотой просоциального поведения, однако конкретный механизм зависит от близости взаимоотношений донора и благополучателя. Положительное влияние помощи незнакомому человеку на удовлетворенность жизнью полностью объясняется изменениями в моральной самооценке вне зависимости от эталона сравнения, а помощь близким действует только через снижение несоответствия между оценкой своих моральных качеств и воспринимаемыми социальными ожиданиями.
5. Ситуативная моральная самооценка, возникающая в результате оказания помощи как близким, так и малознакомым людям, является важным предиктором ситуативного субъективного благополучия, но только при контроле влияния субъективного восприятия эффективности помощи актором.

Научный вклад исследования в развитие предметного поля:

1. Предложена оригинальная концепция моральной самооценки, в которой обосновано выделение в её составе устойчивого и ситуативного аспектов. Она позволяет уточнить и дополнить социологическую теорию морального Я [Stets, Carter, 2010], которая акцентирует внимание на быстрых автоматических реакциях и моральных эмоциях, но упускает из виду более медленные когнитивные процессы, участвующие в формировании устойчивых суждений и нарративов о себе.
2. На основе критического анализа существующих концепций и результатов эмпирических исследований разработана интегративная теоретическая модель детерминант и эффектов моральной самооценки, отражающая важную роль социальных факторов в её формировании.
3. Разработана шкала устойчивой моральной самооценки, использующая культурно-специфический набор моральных характеристик, сгенерированных носителями русского языка. Такой инструмент обладает более высокой валидностью, в сравнении с существующими шкалами, благодаря расширенному перечню критериев оценки, включающему, например, верность близким и уважение к иерархии [Graham et al., 2012].
4. Выявлена специфика роли моральной самооценки в механизмах связи просоциальных поступков с субъективным благополучием в зависимости от близости взаимоотношений донора и благополучателя. Результаты исследования позволяют составить детальное представление об одном из внутренних механизмов социального контроля [Parsons, Shills, 1951], а также об оценке

моральной ценности поступка в зависимости от социальных обязательств по отношению к реципиенту [Deviatko, Vykov, 2021].

5. Диссертация содержит первое экспериментальное исследование влияния просоциального поведения на субъективное благополучие в российском культурном контексте. Таким образом, она уточняет результаты немногочисленных отечественных исследований на тему (напр. [Счастливые люди чаще ..., 2018]) с точки зрения направления причинно-следственной связи в контекстах, отличных от западного [Henrich, Heine, Norenzayan, 2010].

Основные результаты работы представлены в 4-х публикациях, которые включены в список статей, утвержденных для принятия к защите в НИУ ВШЭ:

Nastina E., Deviatko I.F. Different Paths to Happiness: The Role of Basic Psychological Need Satisfaction in Benefiting Close and Distant Others. *Journal of Social and Personal Relationships*. 2023. No. 0. P. 1–24. (Разные пути к счастью: роль базовых психологических потребностей в случаях помощи близкому и дальнему кругу).

Настина Е. А. Когда помощь в радость: модераторы взаимосвязи просоциального поведения и удовлетворенности жизнью // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 3. С. 57-71.

Настина Е. А., Девятко И. Ф. Моральная оценка себя: разработка и апробация русскоязычного инструментария // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 4-27.

Настина Е. А. Подходы к пониманию и измерению моральной самооценки в социальных науках: аналитический обзор // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2020. № 50-51. С. 7-36.

Результаты также были представлены на сессии “Субъективное благополучие в России и ее регионах” VI Всероссийского социологического конгресса в 2021 году и на международной конференции Европейской ассоциации опросных исследований (ESRA) в 2023 году, а также в экспертной заметке в ежемесячном аналитическом издании *СоциоДиггер* ВЦИОМ в 2021 и на регулярных научных семинарах Лаборатории сравнительных социальных исследований имени Р. Инглхарта, НИУ ВШЭ, Москва, и Morality Lab, Университет Торонто, Канада.

Краткое описание структуры и результатов работы

В Главе 1 представлены ключевые теоретические положения, проясняющие опосредующую роли моральной самооценки в отношениях между просоциальным поведением и субъективным благополучием и лежащие в основе эмпирических исследований, представленных далее. Глава начинается с критического анализа подходов к концептуализации и операционализации моральной самооценки. С опорой на теоретические положения Дж. Джордана и соавт. [Jordan, Leliveld, Tenbrunsel, 2015] и Дж. Стетс и М. Картера [Stets, Carter, 2012] продемонстрировано, что моральная самооценка обычно понимается как частный случай самонесоответствия [Higgins, 1987], но при этом рассматривается как динамическое суждение, возникающее в определенный момент времени в определенном контексте. Далее обосновывается необходимость уточнения дефиниции моральной самооценки для отражения многоаспектности данного конструкта как с точки зрения динамичности (путем выделения ситуативных и устойчивых типов моральной самооценки), так и с точки зрения референтных стандартов (путем учета как личных, так и общественных идеалов в качестве ориентиров, используемых при сравнении).

На основании этой уточненной концептуализации, произведена классификация существующих шкал (см. Таблицу 1), обозначена актуальность инструмента, разработанного в данной диссертации, а также представлена теоретическая модель моральной самооценки, которая связывает ее с другими конструктами, включая субъективное благополучие и моральное поведение. Данная модель позволяет обозначить пробелы в эмпирических исследованиях на эту тему, в том числе в отношении взаимосвязи между устойчивым и ситуативным аспектами самооценки, влияния нравственного поведения на устойчивую моральную самооценку и ряда медиационных механизмов, один из которых раскрывается в этом исследовании.

Таблица 1. Подходы к измерению моральной самооценки

<i>Эксплицитность критериев / принцип отбора критериев</i>	Критерии задаются исследователем	Критерии задаются респондентом
Контент-специфичные	Шкала морального образа Я [Jordan, Leliveld, Tenbrunsel, 2015]; стандарт идентичности [Stets, Carter, 2012]; моральная идентичность [Miles, Upenieks, 2018]; шкала межличностных прилагательных [Wiggins, Heise, 1987]	Шкала моральных конструктов (представлена в Главе 2)
Контент-нейтральные	-	Подшкала моральной самооценки [O'Brien, 1980]; удовлетворение потребности в моральности [Prentice et al., 2019]; индекс моральной самооценки [Lu, 2012];

		моральная самооценка [Miles, Upenieks, 2021]
--	--	--

Во втором разделе представлен обзор различных теоретических и методологических подходов к пониманию и измерению благополучия. В нем обосновывается применимость концепции субъективного благополучия [Diener, Napa Scollon, Lucas, 2009] для диссертационного исследования, при этом показаны её преимущества и ограничения. Данная традиция использует гедонистический подход в концептуализации счастья, опирающийся на субъективные оценки людьми своего опыта и жизни, в отличие от эвдемонического подхода, априорно определяющего содержание счастья. Показано, что субъективное благополучие не сводится к наслаждению, получаемому от удовлетворения ничем не ограниченных желаний, которое многие социологи, включая Э. Дюркгейма [1973], К. Маркса [1971], Г. Маркузе [1991] и Э. Фромма [2013] расценивали как проблематичное и деструктивное для личности и общества в целом. Продемонстрировано, что, хотя концептуализация счастья с опорой на персональный опыт субъекта иногда критикуется как индивидуалистический редукционизм, социально обусловленные феномены, включая моральную самооценку и просоциальное поведение, следует рассматривать как причины, а не индикаторы благополучия человека.

В третьем разделе систематизированы теории и модели механизмов, лежащих в основе положительной связи между моральной самооценкой и субъективным благополучием. Концепция Т. Парсонса (совместно с Э. Шилсом) [Parsons, Shills, 1951] о взаимоотношении культуры, социальной структуры и личности как подсистем социального действия подразумевает, что приведение индивидуальных потребностей в соответствие с

культурными нормами приводит к внутреннему удовлетворению. Для социометрической теории самооценки [Leary, Baumeister, 2000] характерен эволюционный фокус: мониторинг степени принятия себя другими посредством постоянного процесса самооценки необходим для выживания и благополучия людей, и, как следствие, его результаты должны вызывать выраженную эмоциональную реакцию. В свою очередь, модель морального Я Стетс и Картера [Stets, Carter, 2012] эксплицитно помещает отношения в контекст социального взаимодействия. Согласно этой модели, в ситуациях, интерпретируемых человеком как морально релевантные, он пытается поведенчески соответствовать своему моральному стандарту. Если его сиюминутная самооценка совпадает с эталоном, это вызывает положительные эмоции, такие как радость и гордость, однако, если возникает несоответствие между стандартом и реальностью, то человек испытывает грусть, стыд и вину. Применение мета-анализа к эмпирическим результатам существующих исследований по данной теме выявило значимую и умеренную связь ($r = 0,35$) между моральной самооценкой и различными компонентами субъективного благополучия, в том числе удовлетворенностью жизнью и позитивным аффектом. Однако анализ также показал отсутствие внимания исследователей к дифференцирующим механизмам, связывающим устойчивые и ситуативные оценочные суждения о моральном Я и суждения о своей жизни или опыте. Обсуждаются потенциальные «спутывающие» факторы наблюдаемых отношений, включая чувство принадлежности и общую самооценку.

В четвертом разделе раскрывается опосредующий потенциал моральной самооценки в отношениях между просоциальным действием и субъективным благополучием. Выдвигается гипотеза, что положительный эффект просоциальных действий не сводится к кратковременным эмоциональным переживаниям, но принимает и более длительные и

устойчивые формы, например, глобальное чувство удовлетворенности жизнью, которое, в свою очередь, может возникать в результате кумулятивного эффекта. Анализируется место моральной самооценки в этих отношениях наряду с другими потенциальными медиаторами, а также рассматривается важность социально обусловленных факторов. Отмечается, что разные группы и культуры формируют отличные друг от друга эталонные стандарты, используемые людьми в процессе самооценки, что обуславливает необходимость разработки и применения культурно-специфичных шкал способных адекватно измерить конструкт. Групповая идентичность также определяет, насколько широко распространяются представления о надлежащих получателях помощи, входящей в круг моральных обязательств. Таким образом, одно и то же просоциальное действие, осуществленное по отношению к близкому человеку или условному чужаку, может по-разному влиять на моральную самооценку и, следовательно, на субъективное благополучие.

Эмпирическая часть диссертации, представленная в Главе 2, включает два этапа и 6 отдельных эмпирических исследований (см. Таблицу 2). Как показывает таблица, каждое исследование направлено на достижение специфической цели, однако все они являются последовательными и взаимосвязанными: сначала разрабатываются и апробируются шкалы для измерения двух аспектов основного конструкта, затем отобранные шкалы используются для проверки гипотезы о медиации.

Таблица 2. Обзор эмпирических исследований

Исслед.	Этап	Цель	Выборка
1	Разработка/ адаптация шкал	Разработка и апробация идиографической версии шкалы моральных конструктов (ШМК-И)	N = 67, студенты, 2019

2	моральной самооценки	Разработка и апробация конвенциональной версии шкалы моральных конструктов (ШМК-К)	N = 106, студенты, 2020
3		Оценка ШМК-К с точки зрения устойчивости к смещениям, связанным с «самоприукрашиванием»	N = 47, удобная выборка, 2021
4		Адаптация шкалы удовлетворения потребности в моральности; проверка шкал устойчивых и ситуативных конструктов на динамичность	N = 129, студенты, 2021
5a	Проверка основной гипотезы	Анализ влияния частоты просоциального поведения на удовлетворенность жизнью через изменения в устойчивой моральной самооценке	N = 757, онлайн панель, срез до эксперимента, 2021
5b		Анализ влияния недавнего просоциального поведения на позитивные и негативные эмоции, ситуативное субъективное благополучие через изменения в ситуативной моральной самооценке	N = 305, онлайн панель, 2021

Первое исследование (§2.2.1) посвящено разработке идиографической версии шкалы моральных конструктов (ШМК-И), основанной на методе репертуарных решеток (Kelly, 1955). Студентам московских вузов последовательно предлагались две таблицы в бумажном формате. В первой из них в столбцах были представлены пять фигур для сравнения: «Я реальное» (то, какой(ая) я есть сейчас); «Я идеальное» (то, каким(ой) мне хотелось бы быть); «Я должное» (то, каким(ой) я должен(на) быть по мнению других); а также самый морально безупречный и самый безнравственный человек, знакомый им (в последних двух случаях респондентам предлагается вписать имена или инициалы конкретных людей, соответствующих данным характеристикам). Респонденту нужно было последовательно сравнить все фигуры в тройках, обозначив, по какому существенному моральному/нравственному качеству два человека сходны между собой и в то же время

отличны от третьего, и сформулировать качество, противоположное обозначенному. Выявленные в результате личностные биполярные конструкты респонденты использовали для оценки фигур по семибалльной шкале во второй таблице. В результате два вида показателей самонесоответствия, обратных индикаторов моральной самооценки, рассчитывались как средняя абсолютная разность между оценками Я-реального и Я-идеального (РИ), и Я-реального и Я-должного (РД) по каждой шкале. Респонденты сгенерировали 669 биполярных шкал, содержащих 700 уникальных униполярных качеств. Повторная процедура, включающая также измерение теоретически релевантных конструктов, показала достаточно высокую ретестовую надёжность ($r_{ри} = 0.82$, $r_{рд} = 0.87$) и адекватную конструктивную валидность инструмента.

Во втором исследовании (§2.2.2) 18 наиболее часто встречающихся моральных конструктов из предыдущего эксперимента были использованы для создания конвенциональной версии шкалы (ШМК-К), сохраняющей структуру решеток и объекты сравнения (см. Таблицу 3). Студенты ВШЭ заполнили онлайн-анкету, содержащую ШМК-К. Конструктивная валидность шкалы оценивалась с использованием тех же процедур, что и в предыдущем исследовании, с добавлением моральных эмоций вины и стыда в качестве теоретически связанных конструктов. Показано, что заполнение ШМК-К по сравнению с ШМК-И требует меньше времени, связанная с заданием когнитивная нагрузка респондента значительно ниже, а показатели конструктивной валидности выше, что делает эту версию более удобной для использования в массовых опросах, которые включают множество других показателей. Важно отметить, что самонесоответствие между Я-реальным и Я-должным показало более высокую критериальную и дискриминантную валидность.

Таблица 3. Шкала моральных конструктов (конвенциональная версия): пример
таблицы для заполнения

Конструкт	<i>Я-реальное</i>	<i>Я-идеальное</i>	<i>Я-должное</i>	<i>Морально безупречный</i>	<i>Амораль ный</i>
Злой (1) - Добрый (7)					
Безответственный (1) - Ответственный (7)					
Лживый (1) - Честный (7)					
Эгоист (1) - Альтруист (7)					
Ленивый (1) - Трудолюбивый (7)					
Грубый (1) - Вежливый (7)					
Закрытый (1) - Открытый(7)					
Трусливый (1) - Смелый (7)					
Смирный (1) -Упорный (7)					
Скупой (1) - Щедрый (7)					
Корыстный (1) - Бескорыстный (7)					
Равнодушный (1) - Неравнодушный (7)					
Несправедливый (1) - Справедливый (7)					
Неверный (1) - Верный (7)					
Наглый (1) - Скромный (7)					
Нетерпимый (1) - Толерантный (7)					
Зависимый (1) - Самодостаточный (7)					
Жестокий (1) - Сострадательный (7)					

Показатели качества ШМК-К были дополнительно проанализированы в третьем исследовании (§2.2.3), где инструмент сравнивался со Шкалой морального образа Я [Jordan,

Leliveld, Tenbrunsel, 2015] с точки зрения устойчивости к смещениям, связанными с «самоприукрашиванием». 47 респондентов были случайным образом распределены для заполнения онлайн-анкеты, содержащей одну из указанных выше шкал, при этом значимых социально-демографических различий между группами выявлено не было. Межсубъектный дизайн использовался из-за высокой степени сходства стимульного материала. Результаты показали, что моральная оценка, измеренная с помощью ШМК-К является более самокритичной, что предварительно подтверждает гипотезу о меньшей подверженности инструмента смещениям.

В четвертом исследовании (§2.2.4) Шкала удовлетворения потребности в моральности (Prentice *et al.*, 2019), используемая в следующих исследованиях в качестве инструмента для измерения ситуативной моральной самооценки, адаптируется к применению на русскоязычной выборке. Оценивается конструктивная валидность шкал устойчивых и ситуативных конструктов путем проверки их чувствительности к краткосрочному экспериментальному воздействию: предполагается, что переживание недавних событий должно оказывать влияние на ситуативную моральную самооценку, в то время как устойчивая будет оставаться неизменной. Кроме того, в этом параграфе рассмотрен дифференцирующий эффект близости отношений к благополучателю. С опорой на работы, демонстрирующие, что помощь малознакомому человеку имеет большую моральную ценность, чем помощь родственникам или своей группе [Deviatko, Vukov, 2021; McManus, Kleiman-Weiner, Young, 2020], выдвинута гипотеза, что в первом случае ситуативная моральная самооценка актора будет повышаться в большей степени. 129 студентов НИУ ВШЭ приняли участие в онлайн-эксперименте, который заключался в подробном описании своего недавнего опыта с последующим заполнением шкал моральной

самооценки. Участники были случайным образом распределены в одно из двух экспериментальных условий (помощь близким/незнакомым людям) или в контрольную группу, вспоминая посещение супермаркета или торгового центра. В результате показатель ситуативной моральной самооценки продемонстрировал высокую надежность и ожидаемую восприимчивость к экспериментальному воздействию, однако различий между экспериментальными группами обнаружено не было. В свою очередь, ШМК-К, используемая для измерения устойчивой моральной самооценки, не отличалась для контрольной группы и тех, кто вспоминал о недавней помощи незнакомым людям, а в случае описания помощи другу или члену семьи несоответствие между восприятием себя и личным или общественным идеалом оказалось даже несколько более выражено. Два типа моральной самооценки не показали статистической связи друг с другом, и только устойчивая моральная самооценка была связана с удовлетворенностью жизнью, что позволяет утверждать, что они являются эмпирически различными конструктами.

В целом, полученные на первом этапе результаты подтверждают валидность ШМК-К и Шкалы удовлетворения потребности в моральности для измерения устойчивой и ситуативной самооценки соответственно.

На втором этапе эмпирического анализа отобранные шкалы были использованы для анализа механизмов, связывающих просоциальное поведение и субъективное благополучие через моральную самооценку. В отличие от предыдущих исследований, описанных в диссертации, в которых использовались студенческие выборки, участники для этого этапа рекрутировались одним из ведущих российских провайдеров онлайн-панелей с применением квот по возрасту и полу, что обеспечило гетерогенность выборки.

Участникам было предложено принять участие в недельном исследовании ежедневных практик и эмоций за небольшое денежное вознаграждение.

В пятом исследовании (§2.3.1) гипотеза о медиации проверяется для более устойчивых конструкторов с использованием среза данных, собранных до начала эксперимента. 757 респондентов ответили на вопросы анкеты, включавшей Шкалу удовлетворенности жизнью, ШМК-К, вопросы о частоте помощи близким и незнакомым людям, а также ряд контрольных переменных. Параллельный медиационный анализ (см. Рис. 2) показал, что воздействие помощи незнакомцу на субъективное благополучие полностью объясняется моральной самооценкой независимо от того, сравнивает ли актер себя со своим личным идеалом или с социальными ожиданиями (β 0.17 [0.003, 0.040] и β 0.19 [0.003, 0.042], соответственно). В свою очередь, помощь близким влияет только на снижение расхождения Я-Реального и Я-должного ($\beta = 0.13$ [0.001, 0.037]), что частично опосредует ее влияние на удовлетворенность жизнью, оставляя место для других потенциальных причинных путей. Таким образом, результаты свидетельствуют об опосредующем эффекте моральной самооценки, подчеркивая важность нормативных ожиданий обобщенного другого в этом механизме.

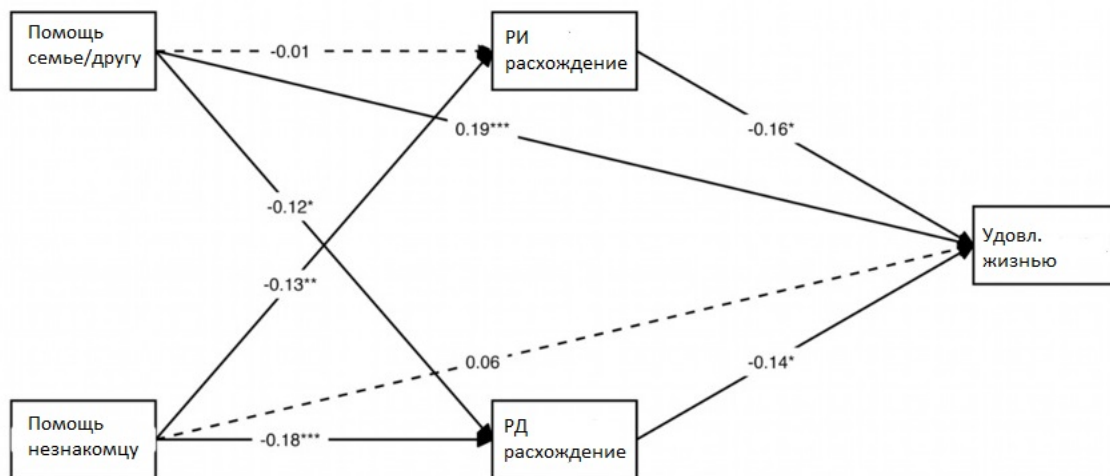

Рисунок 2. Путевая модель влияния частоты помощи близким и незнакомым людям на удовлетворенность жизнью через устойчивую моральную самооценку.

* < .05; ** < .01; *** < 0.001

В последнем представленном эмпирическом исследовании (§2.3.2) используется интервенционный сценарий, позволяющий проверить гипотезу о медиации для аспектов моральной самооценки и субъективного благополучия, в большей степени подверженных изменениям, а именно для ситуативной моральной самооценки, положительных и отрицательных эмоций за неделю и ситуативного благополучия. Участниками стали 305 пользователей онлайн-панели из предыдущего исследования. В конце первой анкеты респонденты случайным образом были распределены в одну из экспериментальных групп или в контрольную группу и получили соответствующее задание. Тем, кто находился в экспериментальных группах, предлагалось в течение следующей недели проявлять особое внимание к а) близкому члену семьи/ другу или б) незнакомцу/ малознакомому человеку. Участников контрольной группы попросили запомнить, что они будут делать в первой половине следующего дня. Через неделю задача испытуемых состояла в описании одного действия, имеющего отношение к их заданию, после чего предлагались к заполнению шкалы моральной самооценки, субъективного благополучия и контрольные переменные. Результаты (см. Рис. 3) свидетельствуют о том, что ситуативная моральная самооценка опосредует связь между недавними просоциальными действиями и ситуативным благополучием, даже когда чувство принадлежности включается в качестве альтернативного медиатора ($\beta_{\text{близк.}} = 0.19 [0.050; 0.355]$; $\beta_{\text{незнак.}} = 0.21 [0.053; 0.383]$). При этом в случае помощи близким пути через моральную самооценку и чувство

принадлежности статистически не отличались, в то время как для помощи незнакомым не прямое влияние через моральную самооценку был значимо сильнее. Однако просоциальное поведение оказывало влияние на субъективное благополучие только в том случае, если добрые поступки соответствовали рутинным действиям по субъективной оценке их эффективности. В то же время просоциальное поведение в течение экспериментальной недели не оказало влияния на более долговременные типы субъективного благополучия, включающие положительные и отрицательные эмоции за неделю, что свидетельствует о кратковременности эффекта, не аккумулирующегося в более продолжительное повышение субъективного благополучия.

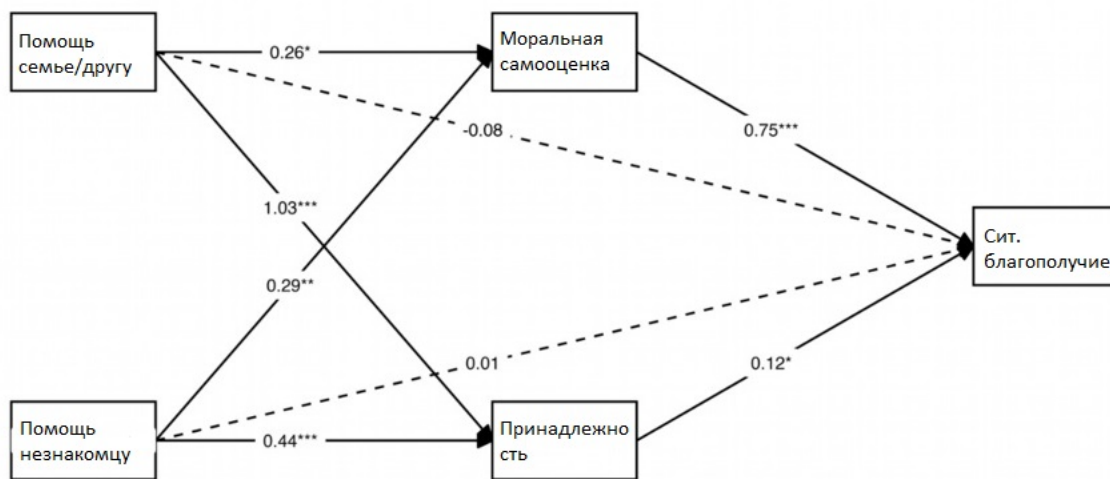

Рисунок 3. Путь модель влияния недавней помощи близким и незнакомым людям на ситуативное благополучие через ситуативную моральную самооценку.

* < .05; ** < .01; *** < 0.001

Таким образом, полученные результаты позволяют подтвердить выдвинутую гипотезу об опосредующей роли моральной самооценки во взаимосвязи просоциального поведения и субъективного благополучия, как на уровне отдельного акта помощи, так и на уровне постоянных практик, демонстрируя один из внутренних механизмов социального

контроля в действии [Parsons, Shills, 1961]. Также показано, что устойчивый и ситуативный аспекты моральной самооценки являются теоретически и эмпирически различными, т.к. имеют разные механизмы формирования и следствия, что дополняет социологическую теорию морального Я [Stets, Carter, 2012]. Кроме того, выявлено значение близости взаимоотношений между донором и благополучателем в исследуемом механизме взаимосвязи: помощь близким и незнакомым людям различными путями воздействует на субъективное благополучие. Благодаря фокусу на социальных процессах формирования морально релевантного конструкта и обращению к повседневным практикам в естественном для участников контексте данная работа вносит вклад в социологию морали.

Важным результатом данной диссертации также является инструмент для измерения устойчивой моральной самооценки. Идиографическая версия инструмента может использоваться для изучения систематических различий в содержании и сложности моральных подсистем разных социальных групп, например, различающихся с точки зрения социально-экономического статуса [Lamont, 1992]. Конвенциональная версия может быть использована в российских опросных исследованиях, посвященных различным аспектам морали. Благодаря более широкому спектру критериев моральной оценки, в том числе отражающих верность своей группе и уважение к иерархии, инструмент лучше подходит для российского культурного контекста по сравнению с зарубежными шкалами.

К основным ограничениям данной работы можно отнести невозможность безоговорочно установить направление причинно-следственной связи между просоциальным поведением и субъективным благополучием, так как в исследовании с экспериментальным дизайном эффект оказывается значим только при контроле на субъективную оценку эффективности. Одно из возможных объяснений заключается в

невысокой степени вовлеченности участников эксперимента, что характерно для краткосрочных интервенций, в которых задания назначаются случайным образом без возможности выбора. С другой стороны, такой результат может быть и следствием культурно-специфической нормы эмоциональной саморегуляции [Симонова, 2021] в контексте помощи другому, что требует дальнейших исследований.

Кроме того, использование срезовых данных не позволило нам установить направление связи для устойчивых конструкторов. Одной из наиболее вероятных моделей является петля позитивной обратной связи [Aknin, Dunn, Norton, 2012] однако для того, чтобы оценить её соответствие реальности необходимо более длительное лонгитюдное исследование, дополнение которого инструментами, измеряющими устойчивый и ситуативный аспекты моральной самооценки, позволит также уточнить взаимоотношение между ними во временной перспективе.

Наконец, в данной диссертации эмпирически рассматривается лишь один из возможных дифференцирующих факторов связи – близость отношений между актором и благополучателем. Использование медиационного анализа с включением ценностей и идентичности как модераторов позволит далее уточнить механизмы кооперации и неаверсивного социального контроля.

ОГЛАВЛЕНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ РОЛИ МОРАЛЬНОЙ САМООЦЕНКИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

- 1.1 ОБЗОР
- 1.2 ПОДХОДЫ К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ МОРАЛЬНОЙ САМООЦЕНКИ
 - 1.2.1 Определение моральной самооценки*
 - 1.2.2 Измерение моральной самооценки*
 - 1.2.3 Теоретическая модель: детерминанты и следствия моральной самооценки*
- 1.3 СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ
 - 1.3.1 Подходы к благополучию: гедонистический и эвдемонистический*
 - 1.3.2 Проблематизация гедонистического благополучия*
 - 1.3.3 Субъективное благополучие: структура и измерение*
- 1.4 МОРАЛЬНАЯ САМООЦЕНКА И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ
 - 1.4.1 Механизмы взаимосвязи моральной самооценки и субъективного благополучия*
 - 1.4.2 Эмпирические исследования взаимосвязи*
 - 1.4.3 Альтернативные объяснения корреляции моральной самооценки и субъективного благополучия*
- 1.5 ПРОСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ: МЕДИИРУЮЩАЯ РОЛЬ МОРАЛЬНОЙ САМООЦЕНКИ

- 1.5.1 *Влияние просоциального поведения на субъективное благополучие*
- 1.5.2 *Потенциальные медиаторы взаимосвязи*
- 1.5.3 *О роли социального контекста*
- 1.6 Выводы

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОЛИ МОРАЛЬНОЙ САМООЦЕНКИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

- 2.1 ОБЗОР
- 2.2 РАЗРАБОТКА И АПРОБАЦИЯ ШКАЛ МОРАЛЬНОЙ САМООЦЕНКИ
 - 2.2.1 *Идиографическая версия Шкалы моральных конструктов (ШМК-И)*
 - 2.2.2 *Конвенциональная версия Шкалы моральных конструктов (ШМК-К)*
 - 2.2.3 *Оценка ШМК-К с точки зрения устойчивости к смещениям, связанным с самоприукрашиванием*
 - 2.2.4 *Динамика шкал ситуативной и стабильной моральной самооценки*
- 2.3 МЕДИАЦИОННАЯ РОЛЬ МОРАЛЬНОЙ САМООЦЕНКИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ
ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ И СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ
 - 2.3.1 *Роль устойчивой моральной самооценки во взаимосвязи просоциального поведения и удовлетворенности жизнью*
 - 2.3.2 *Роль ситуативной моральной самооценки во взаимосвязи просоциального поведения и позитивных и негативных эмоций, ситуативного субъективного благополучия*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

ОГРАНИЧЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ БУДУЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Петренко В.Ф., Шмелев А.Г. Построение методики "личностного семантического дифференциала" / *Речь и познавательные процессы*. Алма-Ата, 1982.
2. Симонова О.А. Эмоциональные императивы позднесовременного общества и их социальные последствия // *Социологический журнал*. 2021. Том 27. No 2. С.25–45.
3. Счастливые люди чаще занимаются благотворительностью // ФОМ. 2018. URL: https://fom.ru/uploads/files/Исследование_Счастье_и_благотворительность.pdf (дата обращения: 3.03.2022).
4. Aknin L. B. et al. Happiness and prosocial behavior: An evaluation of the evidence // *World Happiness Report 2019*, 2019.
5. Aquino K., Reed A. II. The self-importance of moral identity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002, vol. 83, no. 6, pp. 1423–1440.
6. Bandura A. Moral Disengagement in the Perpetration of Inhumanities // *Personality and Social Psychology Review*. 1999, vol. 3, no. 3, pp. 193–209.
7. Bell R., Bannister D., Fransella F. *A Manual for Repertory Grid Technique*. Chichester, West Sussex: John Wiley & Sons, 2004.
8. Cooley C. H. *Human nature and the social order*. New York: Scribner's, 1902.
9. Deviatko I. F., Bykov A. Weighing the moral worth of altruistic actions: A discrepancy between moral evaluations and prescriptive judgments // *Philosophical Psychology*, 2021, vol. 35, no. 1, pp. 95–121.
10. Diener E., Napa Scollon C., Lucas R. E. The Evolving Concept of Subjective Well-Being: The Multifaceted Nature of Happiness // *Assessing Well-Being: The Collected Works of Ed Diener Social Indicators Research Series*. / ed. E. Diener. Dordrecht: Springer Netherlands, 2009, pp. 67–100.
11. Durkheim E. *Moral Education*. : Simon and Schuster, 1973.
12. Fromm E. *To Have or To Be?* New York: Bloomsbury Academic, 2013. Reprint edition.
13. Graham J. et al. *Moral Foundations Theory: The Pragmatic Validity of Moral Pluralism*. Rochester, NY: Social Science Research Network, 2012.
14. Henrich J., Heine S. J., Norenzayan A. The weirdest people in the world? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2010, vol. 33, no. 2–3, pp. 61–83.
15. Higgins E. T. Self-discrepancy: a theory relating self and affect. // *Psychological review*. 1987, vol. 94, no. 3, pp. 319–340.
16. Hitlin S. *Moral selves, evil selves: the social psychology of conscience*. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2008. 1st edition.
17. Hitlin S., Vaisey S. The New Sociology of Morality // *Annual Review of Sociology*. 2013, vol. 39, no. 1, pp. 51–68.

18. James W. *The Principles of Psychology*, Vol. 1. New York: Dover Publications, 1950. Revised ed.
19. Jordan J., Leliveld M. C., Tenbrunsel A. E. The Moral Self-Image Scale: Measuring and Understanding the Malleability of the Moral Self // *Frontiers in Psychology*. 2015, vol. 6.
20. Leary M. R., Baumeister R. F. The nature and function of self-esteem: Sociometer theory // *Advances in Experimental Social Psychology*, 2000, pp. 1–62.
21. Lamont, M. (1992) *Money, Morals, and Manners. The Culture of the French and the American Upper-Middle Class*. University of Chicago Press: Chicago
22. Lu X. *Moral Self-Esteem Enhancement*. Berkeley: University of California, 2012.
23. Marcuse H., Kellner D. *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. Boston: Beacon Press, 1991. 2nd edition.
24. McManus R. M., Kleiman-Weiner M., Young L. What We Owe to Family: The Impact of Special Obligations on Moral Judgment // *Psychol Sci*. 2020, vol. 31, no. 3, pp. 227–242.
25. Mead G. H. *Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*. University of Chicago Press: Chicago, 1934.
26. Miles A., Upenieks L. An expanded model of the moral self: Beyond care and justice // *Social Science Research*. 2018, vol. 72, pp. 1–19.
27. Miles A., Upenieks L. Moral Self-Appraisals Explain Emotional Rewards of Prosocial Behavior // *J Happiness Stud*. 2022, vol. 23, pp. 1793–1814.
28. O’Brien E. J. *The self-report inventory: development and validation of a multidimensional measure of the self-concept and sources of self-esteem*, 1980.
29. Prentice M. et al. Morality as a Basic Psychological Need // *Social Psychological and Personality Science*. 2019, vol. 10, no. 4, pp. 449–460.
30. Prentice M., Jayawickreme E., Fleeson W. An experience sampling study of the momentary dynamics of moral, autonomous, competent, and related need satisfactions, moral enactments, and psychological thriving // *Motiv Emot*. 2020. vol. 44, no. 2, pp. 244–256.
31. Stets J. E., Carter M. J. A theory of the self for the sociology of morality // *American Sociological Review*. 2012, vol. 77, no. 1, pp. 120–140.
32. Tappin, B.M. and McKay, R.T. (2017) ‘The Illusion of Moral Superiority’, *Social Psychological and Personality Science*, 8(6), pp. 623–631.
33. Tesser A., Millar M., Moore J. Some affective consequences of social comparison and reflection processes: The pain and pleasure of being close. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988, vol. 54, no. 1, pp. 49.
34. *Toward a general theory of action* / ed. T. Parsons, E. A. Shils. Cambridge, MA, US: Harvard University Press, 1951. xi, 506 c.

35. Wiggins B., Heise D. R. Expectations, intentions, and behavior: Some tests of affect control theory // *The Journal of Mathematical Sociology*. 1987, vol. 13, no. 1–2, pp. 153–169.